

Авария

Детектив Повесть

Ольга
Дерябина

16+

Ольга Дерябина

Авария

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Дерябина О. С.

Авария / О. С. Дерябина — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Депутат Алёна Светлова узнает, что муж изменяет ей. От отчаяния она решила напиться, а потом сесть за руль и погнать домой для выяснения отношений. На тёмной дороге, ведущей к их коттеджному посёлку, она сбивает мужчину-велосипедиста. Жизнь молодой женщины летит под откос: она лишается депутатского кресла, рушится созданный ею бизнес, муж подаёт на развод и требует отказаться от дочерей. Но оказывается, что не все так просто в этой аварии.

© Дерябина О. С., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Ольга Дерябина

Авария

Меня трясло так, что я слышала собственное противное клацанье зубов. Кто-то аккуратно накрыл меня пледом. Странное дело, этого пледа я раньше не видела, хотя в своём-то доме я должна знать все вещи. Боже, о чём я только думаю!

Зубы стали стучать меньше, плечи и спина почувствовали обволакивающее тепло. Я приподняла глаза и оглянулась. Моя любимая гостиная вмиг стала чужой. Массивный камин, мягкий ковер и два кресла-качалки, фонтан-перегородка казались неправильными, лишними. По высоким стенам мелькали синие огни. Их источник находился за панорамными окнами – там, за любимым мостиком, по которому шла тропинка от парковки до дома.

Сейчас парковка была забита чужими машинами, которые не прекращали освещать всё вокруг синими огнями, и людьми. Я чувствовала их взгляды, я чувствовала их осуждение, я чувствовала их злорадство.

Мне даже показалось, что я вижу Ивана Макаровича. Хотя ему-то откуда здесь взяться? Он же из той, из другой жизни.

Я не верила, что всё происходит наяву. Нет-нет, это неправда. Это всё чёртовы синие огни, которые ввели меня в транс. Я не убийца. Я не могу быть убийцей!

Зубы возобновили предательское клацанье, грудь безуспешно пыталась сделать глубокий вдох. Уши через невидимые наушники улавливали обрывки фраз: «...ДТП...», «...тёмная дорога...», «...неслась как сумасшедшая...», «...тила...», «...сбила...», «...не выжил...», «...уголовная ответственность...», «...а ещё депутат, с такой фамилией – Светлова...». Память выдала гереат в замедленной съемке: моя ярость, свет фар, мелькнувшая тень, визг колёс, стук, от которого сердце чуть не выпрыгнуло, и крик. Мой собственный крик.

Всё началось за несколько дней до этого. Хотя кому я вру? Примерно за полгода, когда закончилась предвыборная гонка и я, обойдя думского стажиста, получила удостоверение депутата городского парламента.

Предвыборная компания потрепала нервы, но я была на высоте, по крайней мере мне так казалось. К вечеру я валилась с ног с гудящей головой, а уже через несколько часов старалась излучать энергию и позитив, чтобы других заряжать, очаровывать, слышать одобрительные возгласы и комментарии из серии «вот что делает свежая кровь!» Вечерние встречи проходили на чистом адреналине, а оказываясь дома я напоминала себе механический будильник, у которого внезапно закончился заряд.

Так шли дни, недели. А после выборов сумасшедший график стал привычным.

Я никогда не думала, что стану депутатом. Чего я действительно хотела – посвятить себя детям. У меня две дочери – Варёне десять, а Ленусику четырнадцать лет. За плечами филологический факультет, педагогическое образование и первый опыт в школе. Как же я радовалась своему декретному как к поводу уйти от доски! А когда подросла Леночка, то чётко поняла, что хочу заниматься с малышами. Учить, удивлять, воспитывать, видеть восторженные глаза, хвалить за первые результаты.

Устроилась в тот же детский садик, куда пошла дочка, однако здесь оказалось не все так просто. Дети, конечно, были прекрасны, чего не скажешь об организации работы. Как молодой специалист я пыталась продвигать свои идеи, что именно изменить, чтобы оптимизировать, улучшить, облегчить. Сначала меня слушали вежливо, потом больше раздражённо, и ничего, конечно, не менялось. Словом, моему второму декретному были рады все.

Когда подросла и Варвара, неожиданно помог брат мужа. У него был успешный автобизнес и беременная жена. То есть через какое-то время встал бы вопрос о садике для будущего наследника. Он помог с деньгами открыть частный садик и организовать всё как надо.

Проект оказался успешным, нас рекомендовали другим родителям. И уже через несколько лет садик вырос в сеть учреждений. Я же стала известным и уважаемым экспертом, или как сейчас говорят – Л.О.М.ом, то есть лидером общественного мнения, в области детства и образования.

На встречах я всё чаще стала слышать, что надо идти в политику, чтобы свои «частные» идеи сделать государственными. Я вступила в партию – ведущую, конечно, а потом в предвыборную гонку, которая в сентябре закончилась депутатским креслом и новой борьбой – уже за интересы избирателей.

В какой-то момент появился Иван Макарович – крепкий пенсионер, постоянный посетитель моей приёмной, у которого тоже была масса идей: как улучшить жизнь в отдельно взятом округе и городе в целом. После продолжительных праздников этих идей кратно увеличивалось. Так что он стабильно являлся поделиться ими и узнать, как обстоят дела с предыдущими.

Помощница Августина лишь посмеивалась:

– Алёна Алексеевна, не принимайте близко к сердцу, – говорила она мне. – Обычно пенсионеры в поликлинику ходят, чтобы пообщаться. Но ваша приёмная от подъезда Ивана Марковича ближе. Вот и приходит, чтобы поддерживать себя в тонусе. И вас тоже.

– И ему это удаётся, – вздыхала я над ворохом заметок, писем, бумаг на подпись.

Так пролетели почти полгода, и вот наступило 1 марта. Я хорошо помню тот день. Повесенному яркое солнце освещало почти освободившийся от снега наш двор и – через панорамное окно – мою любимую гостиную. По радио местные ди-джеи хохотали в эфире и включали что-то заводное, подо что хотелось петь и танцевать.

Девочки с утра решили побеситься, муж – его зовут Володя, Владимир Александрович – уже занялся разбором электронной почты от иностранных партнеров. После его устройства в международную компанию добавилось не только денег, но и забот. Однако благодаря его работе у нас появился этот прекрасный двухэтажный дом с гостиной в 70 квадратов, кухней в тридцать, двумя кабинетами и пятью спальнями наверху, включая гостевые. Мы даже могли позволить себе приходящую прислугу – домработницу, повара и садовника, по совместительству водителя для детей.

Мне пока не хотелось думать о предстоящем дне с как обычно плотным графиком. Включив музыку погромче, я попыталась изобразить танго, улыбаясь и наблюдая за собой в большое зеркало. Полы шёлкового халата скользили по ногам, как вечернее платье, мокрые кудри цвета меди блестели под солнечными лучами. Стараясь двигаться грациозно, я подошла к близко зеркалу и невольно отшатнулась.

Беспощадное солнце показало последствия моей бесконечной работы. Божечки, неужели каждый день меня видят такой – уставшей, бледной, с синевой и бороздками гадких морщин под глазами? Я – ходячий ужас! Я – почти старуха!

Конечно, мне уже не двадцать, и даже не тридцать. Вообще скоро сорок, но я всегда считала, что публичной личности можно сказать преступно выглядеть на свой возраст. Нужно уметь демонстрировать несоответствие цифрам в паспорте.

Первый весенний день был испорчен. На работе я то и дело подходила к зеркалу, критично осматривая свое отражение (сдались ведь мне эти морщины!). Потом вспомнила, что накануне давала комментарий местным телевизионщикам. Посмотрела на часы – как раз

должны показывать новости. Глянув на себя в зеркало и вздохнув, я щёлкнула пультом, приготовившись к худшему.

Действительно шла новостная программа, но на политику я опоздала. Заканчивался сюжет из криминальной хроники про дерзкое ограбление в чьём-то доме и начался следующий – про очередное ДТП на трассе. Я мельком посмотрела на развороченные машины, мигалки, любопытные взгляды проезжающих мимо, направленные мобильники зевак и выключила телевизор. Терпеть не могу криминальные новости. Для меня всегда было странно, как другие внимательно их смотрят, а потом ещё обсуждают. Умом понимаю, что всё происходит рядом, прямо в нашем городе, однако эта часть нашей жизни оставалась чем-то потусторонним за экраном телевизора.

День шёл обычным чередом. Я выполняла привычные обязанности «на автомате»: моё утреннее открытие не только не уходило из головы, но только усиливало своё влияние.

Ну хорошо. По телевизору – далеко, при удачном освещении я, может, и неплохо смотрюсь. Но мой муж – он же видит меня каждый день! Без макияжа, фотошопа, на самом близком расстоянии! И что он думает в этот момент? Я попыталась воссоздать его лицо, как он смотрит на меня, к примеру, утром – ещё в постели, когда солнце освещает нашу спальню. И... И не могла вспомнить, когда он смотрел на меня в последний раз, нежно будил, обнимал и требовал взаимности – с продолжением, конечно. Это было слишком давно, что я даже не смогла вспомнить месяц.

Что это значит? Он меня разлюбил? Или... – об даже не хотелось подумать. Я снова подошла к зеркалу, уставилась на бледное уставшее отражение и попыталась улыбнуться. Улыбка получилась вымученная.

Да нет, всё это глупости. Напридумывала ерунды на ровном месте. У Володи работа. Много работы, благодаря которой мы живём в нашем прекрасном доме. И у меня – работа, садики, депутатские обязанности. Какие уж тут утренние нежности? Я снова улыбнулась, наблюдая, как нервно дёрнулся уголок у рта.

К счастью, в кабинет зашла помощница напомнить о встрече. Остаток дня я загрузила себя работой, чтобы не думать о глупостях. Но дневные подозрения вернулись, стоило мне расслабиться вечером.

Муж, как обычно в последнее время, был отстранённо сосредоточен – не на нас с девочками, а на работе (на чём же ещё?). Я пыталась завязать разговор, но он отвечал невпопад, потом сказал, что устал и отправился в свой кабинет. В этом не было ничего необычного, кроме того, что теперь я заиклилась на своих морщинах и попытках понять, изменилось ли отношение моего мужа ко мне.

Ситуация повторилась на следующий день и через день, и ещё через день. Дурные мысли только усиливались. В очередной вечер часа через полтора после ужина я решила заглянуть к нему под предлогом предложить молока. Подойдя к кабинету Володи, я услышала его голос. Слов было не разобрать, но я узнала тон – весёлый, бодрый, без тени усталости. *Как раньше.*

Я поскребла по двери ногтями и зашла. Володя сидел за рабочим столом перед монитором и говорил по мобильнику. Свет настольной лампой очертил круг, в центре которого был хозяин кабинета. Он не сразу заметил, как я вошла, зато я увидела, как довольную улыбку на лице сменило недоумение. Он смотрел на меня так, словно не понимал, кто эта женщина на пороге, и что ей нужно. Всё длилось пару секунд, но и этого было достаточно.

– Секунду, – уже по-деловому сказал он в трубку, прикрыл динамик у телефона и дёрнул головой вверх: – Чего тебе?

Я пожалала плечами, забыв про предлог заглянуть, и вышла. Он не пошёл за мной, продолжив разговор. В постель лёг, когда я уже спала. Утром за завтраком сообщил, чтобы к ужину его не ждали, а на следующей неделе ему предстоит длительная командировка в Москву.

У меня словно земля ушла из-под ног.

Что это значит?!

На следующий день Володя вернулся поздно, девочки уже спали, а я крутилась под одеялом, собирая простынь «в гармошку». Когда фары осветили дом, был уже первый час ночи. Я накинула пеньюар и спустилась вниз.

Взяв стакан воды, наблюдала через панорамное окно, как муж шёл по тропинке к дому. Вот он поднялся на мостик, посмотрел на окна нашей спальни и, как мне показалось, вздохнул. Вздохнул! Затем дошёл до дома, открыл дверь, положил ключи в специальную вазу, закрыл замок и, не включая света, направился в кухню. И только в этот момент увидел меня и вздрогнул.

– Ты давно здесь? – недовольно спросил он.

– Нет, – сухо ответила я. – Ты почему так поздно?

– Я же предупредил, – он прошёл мимо, на кухню. Я поймала себя на том, что принимаю к его запаху, пытаюсь уловить нотки чужих духов, но из-за своего крема (от морщин, конечно!) ничего не почувствовала. – Стоишь тут, как привидение, – буркнул он, наливая себе воды.

– С кем ты ужинал?

Муж замер со стаканом, повернувшись ко мне, словно решив, что ослышался. На лице читалось явное недоумение.

– С каких пор такие вопросы?

Что мне было отвечать? Что я стала старой и страшной, а ещё жутко ревнивой? Вместо этого я пожалала плечами:

– Это обычный вопрос.

Володя в несколько глотков выпил воду, поставил стакан в посудомойку и направился из кухни:

– Я устал и пошёл спать.

Через несколько минут присоединилась и я. Забралась под одеяло и снова принялась, стараясь это делать это бесшумно. Но опять почувствовала лишь собственный крем, нанесённый жирным слоем.

Начало командировки Володи совпало с очередным заседанием думы. Я снова оказалась в привычном зале, в одном из депутатских кресел, расставленных полукругом лицом к президиуму, за нашими спинами были места для приглашённых и журналистов. До начала заседания я надеялась отвлечься от тревожных мыслей. Здравовалась с коллегами, что-то говорила, спрашивала, отвечала, улыбалась, записывала. Но мысли возвращались к сегодняшнему утру.

Муж потрепал девочек за косички, сказал мне «Пока. Я буду сам звонить». В глазах ни намёка, что он будет скучать предстоящую неделю. Через это чёртово панорамное окно я видела, как он шёл к своей машине с кожаной сумкой с бумагами и чемоданом (который собирал сам), ни разу не обернувшись. Слово покидал отель после так себе поездочки.

В зале заседаний мне что-то говорили, но перед глазами снова появлялось лицо без эмоций, равнодушная походка, «Пока. Я буду сам звонить».

Где-то за пределами моих мыслей прозвучал гимн, поздравили именинников, утвердили повестку, приступили к рассмотрению вопросов.

Я честно пыталась сосредоточиться, однако ощущала себя школьницей, которая «смотрит в книгу – видит фигу».

Закончилось это тем, что я пропустила вопрос, адресованный конкретно мне, по детской теме. Сознание вывело меня из забытья под взглядами присутствующих.

– Алёна Алексеевна, вы хорошо себя чувствуете? – по-отечески спросил председатель думы. Аркадий Степанович более сорока лет провел в политике. Сейчас он наклонил голову и смотрел на меня над очками в модной оправе. – Что-то вы сегодня бледная. И вид у вас усталый, хотя работаем только час...

Бледная! Уставшая! – от этого невольно сжались кулаки. Но я быстро взяла себя в руки и виновато улыбнулась:

– Простите, я отвлеклась. Не могли бы вы повторить вопрос?

– С удовольствием, – спикер снова внимательно смотрел на меня над очками. – Только я попрошу отвлекаться вне заседаний думы и депутатской деятельности в целом.

После заседания я чувствовала себя полной дурой. Надо ж было так опозориться, да при полном аншлаге в зале! Я подошла к зеркалу в своём кабинете. На бледном лице появились пятна, в глазах бешеный блеск, аккуратно уложенные волосы растрепались. Я напоминала сумасшедшую фанатичку с идеей фикс – впрочем, истина была где-то рядом.

Сдавливая пальцы до щелчков – со школы дурная привычка – я начала маячить по кабинету, удивляясь, какой он маленький. Буквально несколько шагов от стола до шкафа, ещё меньше – от шкафа до столика с чайными принадлежностями.

Помощница Августина, видимо, услышав шаги, осторожно открыла дверь. Я резко остановилась и повернулась, увидев растерянное лицо в проёме.

– Алёна Алексеевна, вам что-нибудь принести? Воды, чаю зелёного?

Я не знала, что ответить. Действительно не знала: хочется мне воды или чаю? Потом посмотрела на часы – время обеденное – и согласилась:

– Буду чай.

– Там Иван Макарович... – смущённо сказала помощница. – Но он потом придёт, вопрос не срочный.

В этот момент мне больше всего на свете хотелось послать к чертям неугомонного старика.

– То есть как это – не срочный? – из приёмной донёсся знакомый голос.

Августина на секунду повернулась и, видимо, жестом попросила помолчать.

– Да, лучше потом, вопрос наверняка не срочный, – согласилась я.

Августина принесла чай, вазочку с миниатюрным печеньем, парой конфеток и тихо закрыла за собой дверь, интуиция подсказывала, что начальнице лучше не задавать лишних вопросов.

Я маленькими глоточками пила чай, слыша за дверью бубнёж Ивана Макаровича, трель телефона, ответы Августины. Мне надоело это, и чтобы заглушить суету в приёмной, я включила телевизор.

Шёл очередной выпуск новостей, блок экономики. Бойкая журналистка, которой я не раз давала комментарии, рассказывала о делегации из региона, которая намеревалась провести ряд переговоров в Москве. Журналистка перечислила названия нескольких компаний-участниц, и я услышала знакомое – фирмы, где работает муж. На сердце сразу как-то сразу отлегло: Володя действительно работает, у него командировка, а у меня психоз.

Однако в кадре появилась хорошенькая блондинка. Голубые глаза, тоненькие стрелки, чуть вздёрнутый носик, губки сердечком, бронзового оттенка кожа, мелкие кудряшки вокруг остренького личика. На вид лет двадцать пять. На экране появились титры – Милена Потанина, пресс-секретарь компании, где работает мой муж. Я подошла ближе к телевизору, чтобы убедиться, что зрение не обмануло. Вблизи девчонка казалась ещё симпатичнее. Она что-то уверенно говорила, только суть слов я уловить не могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.